МАКСИМ ВЕРЕСОВ

ПОСЛЕ ОТБОЯ

Максим Вересов

После отбоя

«Автор»
2026

Вересов М.

После отбоя / М. Вересов — «Автор», 2026

Телефонную линию отключили одиннадцать лет назад. Женщина в трубке назвала сегодняшнее число и сказала, что дверь заперли снаружи.Мастер связи Вера Коваль узнаёт голос инспектора Милы Орловой. В журнале уже записано, что Мила покинула станцию, но её плащ всё ещё висит у проходной. Вера пытается выяснить, откуда поступил звонок, и находит на обороте старой карточки имя своей сестры. Одиннадцать лет назад Лида позвонила с той же линии. В отчёте сказано, что она сама положила трубку.К вечерней смене к служебному выходу подадут фургон. Вера должна найти дверь, за которой заперли Милу, прежде чем машина уйдёт, а старый щит разберут вместе с последней уликой по делу Лиды.

© Вересов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Голос после отбоя 6
Глава 2. Чужой номер 9
Глава 3. Ушла сама 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

После отбоя

После отбоя
Максим Вересов

Глава 1. Голос после отбоя

По карточке линию отключили одиннадцать лет назад. Женщина в трубке назвала сегодняшнее число.

— Семнадцатое октября. Ноль часов тридцать восемь. Дина, запиши время. Я на месте. Дверь заперли снаружи.

Я узнала Милу Орлову по тому, как она произнесла «тридцать восемь». На прошлой неделе мы сверяли станционные часы. Она заставила меня записать расхождение целиком, хотя стрелки разошлись на четыре секунды. В трубке за её голосом кто-то дважды стукнул. Потом раздался низкий гудок. Мила начала говорить снова, но гудок накрыл слова.

— Мила?

Я уже знала, что она не ответит. Всё равно прижала трубку плотнее. За гудком прошёл короткий скрежет, и медь отдала последний щелчок. Стрелка контрольного прибора упала. На живой линии после отбоя можно было бы снова подать вызов. Здесь даже рычаг не поднялся.

Я положила трубку на стол. На щите под потолком горела лампа над гнездом двадцать семь. С неё всё и началось. Дежурный прибор отмечал обрыв в соседнем ряду, а лампа загорелась у номера, который не должен был отзываться вовсе. Я проверила его первой, потому что у тёмных гнёзд обычно отходит лампочка и чужой свет отражается в стекле. Здесь стекло было тёплым. Под гнездом сохранилась серая карточка. Угол закрывал рычаг, и я видела только дату отключения.

За шкафом я подключила обратный конец к контрольному контуру, с этой стороны вставила трубку и дала один короткий импульс. Стрелка дёрнулась сразу. Значит, оба конца пары отвечали из шкафа. Контур позволял услышать, что осталось в меди перед разрывом. По нему нельзя было понять, в какой комнате стояла трубка. Для этого нужен был сам провод, от зажимов до ответвления. Я могла распахнуть задние дверцы и начать искать. Но сначала мне нужно было выяснить, кто ещё знает, где Мила.

Я посмотрела на часы над дверью. Было шесть минут второго. Меньше получаса назад она сказала, что заперта.

На краю стола лежал её карандаш. Мила оставила его, когда приходила сверять ключи перед ночным осмотром. Она помечала им номера на бирках, затем стирала цифры хлебным мякишем. Возле последней бирки мякиш так и остался. Когда я уходила на щит, Мила сидела на моём стуле и записывала, какие отсеки старого крыла откроет сегодня. Она сказала, что к часу вернётся за карандашом. Я взяла его и пошла в диспетчерскую.

Дина стояла возле окна и разматывала провод вокруг ножки стула. Увидев меня, перестала тянуть. Провод лёг на пол.

— У тебя в ноль тридцать восемь был вызов от Милы?

Она посмотрела на стол. У дежурной трубки лежала раскрытая тетрадь. В верхней части страницы шли городские вызовы. Нижнюю Дина прикрыла ладонью.

— Почему спрашиваешь?

— Я услышала её на контрольной.

Дина подняла глаза. Спросила, на какой линии. Я назвала гнездо. Она снова взялась за провод и намотала свободный конец на ладонь. Сделала два оборота, потом заметила, что намотала слишком туго, и отпустила.

— Двадцать семь давно пустое.

— Лампа горит. На записи Мила говорит, что дверь заперта. Она зовёт тебя по имени.

Из комнаты за перегородкой донёсся шорох. Младший писарь сдвинул стул и спросил, принести ли книгу выходов. Дина сказала, что сама посмотрит. Когда шаги затихли, она сняла

руку с тетради. Внизу страницы у времени «00:38» осталась одна короткая черта. Справа, где полагалось записать имя вызывавшего, ничего не было.

— Это что? — спросила я.

Дина положила палец над чертой.

— Пустой вызов. Лампа загорается, снимаешь трубку, связи уже нет. Я их ставлю чертой, чтобы не оставлять промежуток во времени.

— А этот точно пустой?

Она открыла рот и посмотрела на перегородку. Потом захлопнула тетрадь.

— Прежде найди Милу, — сказала она. — Если она ещё в здании, тебе нужен человек с ключами. Я сама не могу оставить пульт.

Я хотела спросить, почему она сказала «ещё». Но на соседнем гнезде вспыхнула зелёная лампа, и Дина сняла трубку. Ответила, что вызов принят, дважды повторила адрес и потянулась к карандашу. Я оставила ей Милин. Дина заметила его, повернула надпись к себе и принялась записывать. Я пошла искать книгу выходов.

У проходной сторож поднимал с пола мокрый коврик. Помогая ему разложить коврик на ступеньке, я спросила, видел ли он Милу. Он сказал, что сидел на месте с полуночи и никого с её пропуском не выпускал. Потом добавил, что служебный выход держит другой дежурный. Если инспектор ушла через двор, запись могла остаться только в общей книге. Он показал на высокую полку.

По дороге к полке я заметила её плащ. Он висел на крайнем крючке под табличкой для посетителей. Я знала плащ по белой пуговице на рукаве. Остальные были тёмные. Мила собиралась купить подходящую, но до сих пор застёгивала рукав на белую. Я сняла плащ и показала сторожу. Он сказал, что его повесила сама Мила, когда пришла. Больше к крючку никто не подходил.

— В такую ночь она без плаща не ушла бы, — сказала я.

Сторож выглянул на улицу. Дождь закончился, но с крыши ещё капало на ступеньки. Он взял плащ за плечо и перевесил чуть дальше от двери.

— Могли проводить машиной.

— Какая машина выезжала?

Он взял с окна журнал проезда. В нём стояли два номера. Один относился к грузовику, который днём привёз пустые ящики. Второй был выдан на завтра. Ночью через эти ворота никто не проезжал. У служебного двора, напомнил он, свои ворота и свой список. Я попросила позвонить туда. Он набрал номер и долго ждал. В конце снял трубку с уха и сказал, что на том конце пока некому ответить.

Я не знала, что из этого можно будет подтвердить утром. Плащ мог остаться по забывчивости. Другой выезд мы ещё не проверили. Но в трубке Мила не сказала, что собирается уйти. Она сказала, что дверь заперли. Я попросила сторожа взять плащ под свой присмотр и показать мне запись об уходе, пока её не переписали набело.

Книга была раскрыта на сегодняшнем числе. Чуть выше имени Милы записали доставку ламп и возврат двух ключей. Напротив неё стояло одно слово: «Ушла». Остальное закрывал лист выдачи пропусков. Я потянулась к нему, но сторож накрыл книгу ладонью.

— По уходу спрашивай у того, кто записывал. Я здесь только за свой выход отвечаю.

Я сказала, что Мила могла остаться в старом крыле. Он перестал разглаживать лист и спросил, открывала ли она его своим ключом. Я ответила, что ключи ей выдавали перед осмотром. Сторож поднял связку с гвоздя и перебрал бирки. У одной сохранилась только проволочная петля. Самого ключа не было.

— Этот взял начальник смены, — сказал он. — Для закрытых помещений теперь выдают через него. Если найдёшь Резника, пусть распишется за осмотр.

— А если до того, как найду, она там просидит ещё час?

Сторож посмотрел на часы. Потом снял с другого крючка ключ от прохода между корпусами и сказал, что может пойти со мной до решётки. Дальше ключа у него не было. Он позвал писаря постоять у выхода и сунул коврик ногой под лавку, чтобы о него никто не споткнулся.

В проходе между корпусами у стен стояли ящики под демонтаж. На одном белым мелом написали «Изоляция». Крышка лежала криво, и из щели торчал короткий кусок старого провода. Я прижала его пальцем. Он был холодным, с твёрдой оплёткой. Под подошвой скрипнула крошка штукатурки. Сторож поднял лампу и показал на решётку.

— Мила!

Голос прошёл по коридору до лестницы. В ответ послышался стук, но не там, где я ждала. Сторож повернул лампу. На верхней площадке качнулась незакрытая створка. Под ней стояло ведро. Ветер толкал створку к стене, ручка ударяла по трубе. Я досчитала до следующего удара. В трубке стучало иначе, два раза подряд, почти без паузы.

Мы позвали ещё раз. Ничего. Через решётку виднелись две лестницы. Одна уходила наверх, другая — в тёмную часть крыла. Сторож сказал, что с прежнего поста туда ходили по короткому коридору. Его закрыли, когда поставили общую решётку. Показал, до какой ступени позволяет дойти наш ключ. За ней уже требовался ключ начальника.

Я попросила его не писать, что крыло пустое. Он сказал, что и не станет. В книге поставит время осмотра у решётки и укажет, докуда мы дошли. Я дождалась, пока он назовёт час вслух, и записала его на обороте карточки из кармана. Потом попросила посмотреть, не выходил ли кто из крыла после полуночи. Он обещал свериться с человеком у служебного выхода, когда тот вернётся с обхода. Если там будет имя Милы, он сообщит. Если только отметка, сообщит так и скажет.

На обратном пути сторож проверил ящики у стены. Он искал наряд, чтобы понять, должны ли их вывозить до рассвета. В одном из держателей оказался пустой конверт. Сторож вытряхнул его, посмотрел на мою руку и спросил, зачем мне время, если я не смогла войти. Я ответила, что хочу оставить точную запись: мы слышали створку и видели запертую решётку. Он подумал и записал это сам. Слово «проверено» поставил только возле решётки. Потом отдал мне лампу, чтобы не идти до диспетчерской по тёмному коридору.

Когда я вернулась к щиту, лампа над двадцать седьмым всё ещё горела. Я поставила лампу на полку, вынула чистый лист и записала первые слова Милы. Записала и гудок, и два удара. Не стала дополнять то, что она говорила после них. Потом снова подключила контрольную трубку. Я хотела убедиться, что правильно расслышала время, прежде чем просить открыть крыло. Мила повторила каждое слово. Стук пришёл точно там же. Это был один и тот же разговор. Человек, который говорил со мной, уже положил трубку или потерял связь, и узнать, что случилось после, по этому проводу было невозможно.

Я выключила прибор. Взялась за серую карточку, вытянула её из-под рычага и увидела запись на обороте. «Аварийный вызов. Старое крыло. Пара 27». Дата там была другая, на день раньше отключения. Я знала её и без числа. На следующее утро мне принесли сумку Лиды, а ключ от нашей квартиры ещё неделю лежал у неё в боковом кармане.

На карточке было и её имя. Я поднесла бумагу к лампе. Лида Коваль, аварийный вызов. Тот самый, который, по отчёту, она прервала сама.

Я положила карточку рядом с записью голоса Милы. Одиннадцать лет назад на этом месте оборвалась связь с моей сестрой. Сегодня из того же гнезда прозвучал голос Милы. Мне нужен был провод, который его сюда принёс.

Глава 2. Чужой номер

На обороте карточки ниже имени Лиды остался след от дырокола. В нашей смене такие карточки прокалывали, когда провод снимали с работы окончательно. Дырка приходилась на пустую клетку, чтобы потом не пришлось угадывать фамилию. Здесь под круглым отверстием виднелся кусок буквы. Кто-то пробил карточку поспешно, уже после того, как вынул её из держателя.

Я не видела этой бумаги одиннадцать лет. Знала только строчку из отчёта. «Абонент прекратил вызов». Мне дали прочесть её в проходной, где сумка Лиды стояла у ноги сторожа. На ремне была завязана полоска бинта. Сестра подкладывала её под пряжку, чтобы та не стучала по лестничным перилам. Тогда я решила, что смогу узнать её по звуку в любом коридоре. Сейчас из сегодняшней записи я могла уверенно назвать два удара и гудок. Сказать, чем их сделали, пока не могла.

Я вставила карточку обратно лицом наружу. Если кто-нибудь подойдёт к щиту, увидит номер и дату отключения. Фамилию Лиды я переписала в блокнот. Рядом поставила имя Милы и обвела время. Потом перечитала обе строки и разнесла их на разные страницы. Дата на карточке относилась к гнезду. Женщина в трубке назвала другую. Мне надо было понять, какая бумага говорит о проводе.

У шкафа с задней стороны была маленькая створка. Через неё можно было осматривать верхний ряд, не размыкая рабочий щит. Я сняла крючок и поставила сторожевую лампу на пол. Снизу свет ложился на винты сбоку. У клеммы двадцать семь блеснула тонкая завитушка. Я сперва приняла её за волос, хотела снять пальцем, потом увидела, что она красная. Медную стружку я подцепила краем чистой карточки. Она перекатилась, когда я наклонила бумагу, и встала острым концом вверх.

На соседних зажимах оставалась пыль. Здесь один винт был чистым по краям, будто его недавно повернули ключом. Ниже старая метка выцвела. Под ней торчал край другой, белой. До цифр я не могла добраться через створку. Чтобы снять боковую крышку, нужно было выключить ряд, а рядом ещё шли вызовы. Я положила стружку в сгиб чистой карточки и подписала, где подняла. Потом нарисовала винт и обе метки. Нижнюю оставила без номера. Выдумать цифру можно было быстрее, чем добыть её.

За моей спиной кто-то кашлянул. Я обернулась. У щита стоял младший писарь, которого я слышала у Дины. Он принёс расписание работ и искал крючок, на который его повесить. Я попросила посветить. Он поднёс лампу слишком близко, и тень от его руки легла прямо на зажим.

— Вот здесь, — сказала я. — Видите, что край чистый?

Он отодвинул лампу. Посмотрел на винт и сказал, что видит. Я попросила его расписаться рядом со временем осмотра. Писарь отступил и спросил, зачем ему расписываться за работу на щите.

— Только за то, что посветили и видели зажим.

Он прочёл запись. Под моей фразой написал, что свет держал в час двадцать три. Фамилию поставил мелко, у самого края. Я вернула ему карандаш и спросила, есть ли в расписании работы с двадцать седьмым гнездом. Он развернул лист. Там были замена ламп, проверка правого ряда и приём ящиков из старого крыла. Двадцать седьмого номера нигде не значилось.

— А когда шкаф последний раз открывали?

— Журнал у заведующего сменой.

— Он где?

Писарь повесил расписание на крючок. Посмотрел, ровно ли висит. Потом сказал, что Андрей Резник был на служебном дворе и должен вернуться к двум. Если мне нужно просто

записать неисправность, можно сделать это у него, писаря. Если хочу остановить работу, надо назвать, какая именно опасность.

Я закрыла створку и вернулась к пульту. Дина всё ещё разговаривала по зелёной линии. Слышно было, как она повторяет номер дома. Я дождалась, пока она положит трубку, и попросила на минуту освободить контрольный прибор. Она сняла шнур с соседнего гнезда. Я подключила свою трубку. После короткого импульса стрелка поднялась до той же отметки. Мила опять назвала число. На слове «заперли» Дина перестала перебирать бирки. Гудок из трубки слышала только я. Дина видела, сколько длилась запись.

— Ещё раз повторяется? — спросила она.

— Пока провод остаётся в этом состоянии. Я его не включаю. Только слушаю.

Дина взяла мою карточку. Прочла время, спросила, когда я поставила его в блокнот, и вернула.

— В книге вызовов у меня пустой. Если хочешь, я могу показать, где стоял шнур. Записывать про слова я пока не буду.

— Почему?

Она посмотрела на соседний ряд.

— Потому что, когда я сняла трубку, разговор уже оборвался. Пока не пойму, что у меня за отметка, обещать ничего не буду.

Я не стала спорить. Попросила её хотя бы не переписывать страницу. Дина сказала, что тетрадь до сдачи смены будет у неё. Потом встала, поставила стул поперёк прохода к щиту и спросила, поможет ли это. Я сказала, что против того, кто торопится, стул поможет ненадолго. Но теперь она сразу увидит, если кто-нибудь подойдёт к створке.

Посыльный пришёл с пустой тележкой. У колеса намоталась нитка, он наклонился снять её и только потом показал наряд. В нём значилось, что правую секцию контрольного шкафа нужно подготовить к снятию. Мастерская хотела забрать стойку до утренней сверки, чтобы вытащить из неё клеммы и крепления. В графе для исключений ничего не было.

— До утренней сверки это когда? — спросила я.

— Люди с ключом придут в четыре. Мне велели убрать ящики у стены и проверить, до какого места подойдёт тележка.

Он показал мелом, где хотел остановиться. Прямо под двадцать седьмым. Я попросила его ничего пока не размечать. Он вытер мел рукавом, но тележку оставил у двери. Спросил, кто может отменить наряд. Я ответила, что сначала зарегистрирую неисправность. Если при этом выяснится, что гнездо связано с сегодняшним вызовом, снимать шкаф до осмотра нельзя. Посыльный сказал, что не будет разбирать его сам. Дальше ему нужна отметка. На одном слове мастера он тележку обратно не повезёт.

Прежде чем идти к писарю, я попросила посыльного показать, откуда он взял тележку. Он удивился, но провёл меня к складу. Там стояло ещё две, обе с узкими колёсами. На нашей к оси привязали бирку с номером секции. Бирка была новая, и под шнурком на картоне осталась белая полоска. Если работу собирались делать утром по общему расписанию, обычно писали название комнаты и брали любую свободную тележку. Эту уже приготовили под один шкаф.

— Кто привязал бирку?

— Она висела, когда я пришёл. Мастерская выдаёт всё через окно.

Он показал на закрытое окно. У края под стеклом лежала пачка отрывных корешков. На верхнем стояло «Выдано в ночную смену». Время прикрывал железный уголок. Я могла просунуть руку под стекло и подвинуть лист. Тогда наутро человек из мастерской найдёт сдвинутый корешок и скажет, что не знает, где лежала остальная пачка. Я попросила посыльного назвать, когда он взял тележку. Он ответил, что в половине второго, сразу после того, как дежурный передал наряд. Я записала это рядом с тем, что увидела сама. Бирку он снял только для того, чтобы я переписала номер. Затем привязал тем же узлом.

Из диспетчерской позвали посыльного. Он подхватил тележку и спросил, куда её ставить, если работы не начнутся. Я сказала, что пока возле склада. Он поставил её поперёк прохода. Потом сам развернул вдоль стены: если ночью потребуются носилки, человек с другого конца не сможет с ней разминуться. Мне захотелось спросить, возили ли сегодня носилки в старое крыло. По одному движению тележки он такого сказать не мог. Я спросила только, видел ли он Милу. Он видел её вечером с тетрадью у двери заведующего, а позже не встречал. Значит, был ещё один человек, который видел её перед осмотром. Я попросила его остаться, пока мы запишем наряд.

У писаря на столе лежали три бланка. Один для аварии, один для поломки, третий для проверки. Он протянул мне бланк проверки и сказал, что при отключённом гнезде обычно хватает такого. Я прочла нижнюю строку. По этому бланку мастерская могла снять провод и принести его на стол в разобранном виде. Я положила лист обратно и взяла бланк поломки. В нём полагалось указать, какие части нельзя перемещать до осмотра.

— На каком основании? — спросил он.

Я показала запись времени, его подпись у зажима и номер наряда. Сказала, что по гнезду идёт контрольная запись сегодняшнего вызова. Женщина сообщает, что не может выйти. Неизвестно, откуда она звонила. Если разъединить ряд, не описав подключение, мы потеряем направление провода. Писарь начал записывать «Голос пропавшей». Я попросила зачеркнуть. Имя Милы можно указать как моё опознание. В книге выходов она пока значится ушедшей. Писарь перевернул бланк, прочёл графу для свидетельства и вписал туда моё имя.

Мы оставили на шкафу полосу с номером регистрации. Писарь не стал опечатывать работающие гнёзда. Записал, что до осмотра запрещено снимать секцию и разъединять двадцать седьмой зажим. Потом снял копию для посыльного. Тот прочёл и отодвинул тележку к стене. Круг от колеса остался на полу. Я подумала, что в четыре за шкафом придут всё равно. Теперь человек с ключом увидит сначала мою бумагу. Ему придётся расписаться, если решит её снять.

Сторож вернулся без лампы. Сказал, что у служебных ворот ответили наконец. Дежурный ушёл в обход ещё до полуночи. Когда вернулся, фамилия Милы уже стояла в общей книге, но он не видел, как она проходила. Сторож не стал открывать книгу сам. Принёс мне записку, где отдельно указал, что проверил оба выхода и что отметку поставил другой человек.

Я сложила записку с копией о поломке. Возле щита теперь была моя подпись. У выхода оставалась чужая строка. Я всё ещё не видела, когда её написали и кто велел её вписать. Писарь за стеной перелистывал расписание работ. Я подошла к нему и попросила принести книгу выходов целиком. На этот раз мне нужно было увидеть всё, что стояло после слова «Ушла».

Глава 3. Ушла сама

Писарь принёс книгу выходов, но положил её на край стола, где я не могла раскрыть обложку до конца. Я переставила чернильницу. Он придвинул книгу на освободившееся место и подождал, пока я найду имя Милы.

— По приходу у вас другая запись? — спросила я.

Он вынул из ящика тонкую тетрадь. В ней Мила расписалась вчера в двадцать два с небольшим. После фамилии указала цель: осмотр старого крыла. Почерк я знала. Она писала цифры мелко, а последнюю букву фамилии выводила к самому краю строки. Здесь край был широкий. Буква всё равно уходила далеко вправо.

В книге выходов возле слова «Ушла» фамилию переписали ещё раз. Последняя буква стояла прямо под первой. Точка после слова продавила бумагу. Так обычно ставил точку человек, который ждал, когда высохнет перо. Я посмотрела на подпись писаря под записью об осмотре зажима. Имя у него было короткое, Даниил Круглов. Там точка стояла так же.

— Вы написали?

Он взял тетрадь прибытия и положил поверх книги, закрыв строку.

— Имя я переписал. По уходу сами видите, где подпись.

— Там подписи нет. Только ваша отметка.

Круглов отодвинул тетрадь на ширину ладони. В колонке для подписи был прочерк. Он провёл по нему пальцем, не касаясь бумаги, и сказал, что личную подпись берут у тех, кто выходит через главный пост. При выезде из двора фамилию могли записать со слов дежурного. Водитель подавал лист, писарь потом переносил имя. Я спросила, есть ли лист на Милу. Круглов открыл ящик, посмотрел внутрь и закрыл. Листа не было. Он не стал искать в другом.

— Значит, вам сообщили устно?

Он кивнул. Я попросила назвать того, кто сообщил. Круглов посмотрел на дверь. По коридору шёл сторож, нёс лампу, которую дал мне у решётки. Пламя под стеклом почти погасло. Сторож поставил лампу на подоконник, спросил, нашли ли мы время выхода, и, не дожидаясь ответа, ушёл за маслом. Круглов смотрел ему вслед, пока тот не повернул за угол.

— Мне сказали записать, что инспектор ушла после осмотра. Я записал. Кто её провёл, я не видел.

— Выход назвали?

— Служебный двор.

Я достала записку сторожа. Положила так, чтобы Круглов видел, когда вернулся дежурный с обхода. Он прочёл и сказал, что ему никто не говорил про обход. Потом вытащил из-под тетради длинный лист выдачи пропусков. Сложил его вчетверо и убрал на полку. Строка о Миле осталась открытой. Время стояло слева, под другой записью, и я сперва приняла его за продолжение предыдущей строки. Круглов объяснил, что на выход иногда ставят время в узком поле у корешка. Мне нужно было наклонить книгу, чтобы прочесть. Я потянулась, но в этот момент дверь открылась.

Андрей Резник вошёл с фуражкой в руках. На полях ещё держались капли. Он снял плащ, передал сторожу и попросил перенести тележку подальше от прохода. Сторож ответил, что тележка уже у склада. Резник спросил почему. Круглов показал копию наряда с отметкой о поломке. Резник прочёл номер и посмотрел на меня.

— Вы останавливаете снятие шкафа?

— Секцию до осмотра. Из отключённого гнезда воспроизводится сегодняшний вызов Милы.

— Инспектор закончила работу и уехала.

Я показала книгу.

— Вот это подтверждает, что кто-то велел записать её уход. У ворот её не видели. Плащ остался. Вызов с её голосом я слышала дважды. Она говорит, что дверь заперта снаружи.

Резник положил фуражку на край стойки. От неё осталось мокрое полукружие. Он спросил, не услышала ли я часть давнего испытания. В старых шкафах медь иногда сохраняет речь годами. Я ответила, что Мила назвала сегодняшнее число и позвала Дину. Резник посмотрел на Круглова.

— Дина подтвердила?

— Она пока не подписала показание, — сказала я.

— Тогда внесите опознание голоса как своё. По нему нельзя отправлять людей в закрытое крыло.

Я не спорила с первой частью. Отодвинула фуражку вместе с листом пропусков, чтобы вода не дошла до книги.

— Можно осмотреть крыло при вас, — сказала я. — Сторож дойдёт с нами до решётки. Дальше нужен ваш ключ.

Резник взял фуражку. Сказал, что осмотр внутренних помещений разрешат после проверки воздуха и проводки. На нижней лестнице часть освещения сняли вчера. Сегодня туда без сопровождающего нельзя. Когда он говорил, я слышала, как у него в кармане один ключ ударяет о другой. Я спросила, можно ли вызвать сопровождающего сейчас. Он ответил, что в три будет мастер кабелей. Пусть сначала установит, куда ведёт провод. Я попросила вписать его вызов в книгу работ, чтобы к трём не выяснилось, что мастер придёт к другому шкафу. Резник взял у Круглова карандаш и написал фамилию: Громов.

— Никита, — уточнил он, когда увидел, что я прочла. — Работает на подземных линиях.

Я знала другого Громова. Его имя стояло под отчётом о Лиде. Круглов вписал рядом с фамилией имя мастера и отодвинул книгу работ. Резник попросил его сделать экземпляр для мастерской. Потом надел фуражку и сказал, что вернётся к осмотру. Про запись об уходе я успела спросить у двери.

— Откуда вы знаете, что она уехала?

Он посмотрел на меня, затем на открытую книгу.

— Дежурные сообщили. Уход без подписи можно уточнить утром.

Дверь закрылась. Круглов не поднял головы. Он держал карандаш над копией вызова и ждал, пока перестанут слышаться шаги. Потом сказал, что Резник был здесь и раньше, до того, как я пришла к щиту. У него был листок, где стояло имя Милы. Он велел перенести в книгу время и написать, что она ушла. Листок забрал с собой. Круглов признался, что сперва хотел оставить пустое место для подписи, но Резник попросил поставить прочерк: нечего ждать подпись, если человек уже за воротами.

— Он сказал, кто видел её у ворот?

Круглов покачал головой. Потом спросил, могу ли я не писать, что он удостоверил выход. Я подала чистый лист. Он сам написал, что внёс запись по устному распоряжению начальника станции, и добавил, что инспектора после осмотра не видел. Перечитал вслух, попросил у меня нож для бумаги, чтобы оторвать лист ровно, и всё-таки оторвал руками. На обрывке остался зубчатый край. Он смотрел на него, пока я снимала копию для него самого.

Я попросила Круглова принести часы, по которым он отмечал уход. Он показал на станционные. Их сверяли с диспетчерской в полночь. Мы подняли лист контрольного хода. Под двумя отметками стояла подпись Дины. Расхождение было меньше минуты. Время ухода Круглов брал с листка Резника, а не по своим часам. Он мог подтвердить только, какие цифры перенёс.

Я вернулась к книге. У корешка между двумя строками стояло «00:17». Круглов положил палец рядом. Сказал, что это именно то время, которое велели вписать. Я прочла цифры вслух.

Достала запись с тем, что услышала в контрольной трубке. Мила назвала ноль тридцать восемь. Между отметкой об уходе и её голосом прошло двадцать одна минута.

Я положила обе бумаги на стол, чтобы Круглов увидел их рядом. Он спросил, что теперь будет с его записью. Я ответила, что её надо оставить на месте. Потом попросила его указать в вызове Никиты, что тот должен прийти сначала ко мне. Если к трём мы снова спросим, кто видел Милу у ворот, нам покажут ту же строчку. Теперь оставалось найти, где через двадцать одну минуту после неё стояла трубка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.